

"Шикаку! Почему ты всегда такой?"

"Вот, какой такой?"

"Ты знаешь, о чем я говорю, Шикаку! Ленивый – ленивый – ленивый! Я готова мириться с твоей ленью, но я НЕ позволю тебе мешать развитию Шикамару!"

"Я бы никогда не стал мешать Шикамару, я..."

"Тогда почему ты так против его досрочного окончания академии..."

Мой отец вскочил со стула, его искривленная, извивающаяся тень возвышалась над моей матерью и простиралась через всю кухню, и на этот раз моя мать, которую я всегда считал более сильной среди них двоих, не находила слов.

Я никогда раньше не видел его таким сердитым. Черт возьми, я никогда раньше даже не видел, чтобы он вообще был чем-то рассержен, никогда. Раздражен, да, но единственным признаком того, что он был раздражен, это когда он просто накрыл голову подушкой и отвернулся. С этим я мог бы справиться.

Но сейчас этот человек был совершенно другим, и я даже, несмотря на весь мой расширенный словарный запас шестилетнего ребенка, не мог придумать, как описать ощущения испытываемые мной. Что я действительно знал, так это то, что это существо было явно опасным – и в этот момент мой, по-видимому, "гениальный" ум, наконец, понял истинное значение шиноби. Где-то прячущий под всем его сонливым отношением ко всему человек, который прорубил себе путь к выживанию во время целой мировой войны шиноби, наконец-то появился, со всеми своими шрамами и всем прочим. Глубокая полоска, бегущая по его лицу, бугристый слой кожи, в который я всегда с удовольствием тыкал, когда был ребенком, пока он хихикал, – это было ничто по сравнению с множеством боли, которая сейчас излучалась из его глаз.

Мне никогда еще не было так страшно за всю мою шестилетнюю жизнь.

Одно было ясно наверняка – с этого момента я понял, что, хотя я мог злить свою мать сколько угодно и отделаться лишь относительно безболезненным выговором и несколькими минутами в углу, доведение отца до критической точки было очень неразумным поступком и, скорее всего, последним, который я когда-либо совершу.

Можно было многое сказать о ярости терпеливого человека.

Лицо моей матери застыло, и стало бледно-белым, что было особо заметно на фоне мерцающей лампы; она даже не могла говорить. Я все еще прятался за стеной, отделяющей кухню от гостиной. Они еще не заметили меня; мои родители были так увлечены своим спором, и в любом случае, я был Нара. В отличие от большинства детей, я не боялся темноты – скорее, я любил ее за укрытие и покой, которые она могла обеспечить. Я был склонен оставаться в тени, и я всегда хорошо умел прятаться. Кроме того, я был не очень большим, даже по сравнению с другими детьми моего возраста, и мои запасы чакры были все еще так малы, что, вероятно, и мое присутствие растворилось во все более яркой ауре моего отца. С каждым произнесенным им словом его гнев становился все сильнее, и поэтому темное облако энергии вокруг него росло, еще более усиливая его гнев, на который я даже не думал, что он способен.

Мой отец – такой серьезный, тихий, спокойный человек – и этот человек прямо сейчас на нашей кухне, кричащий на мою мать, – не могли быть одним и тем же человеком...

И все же это было так.

Фотографии на нашем семейном святилище теперь гремели рядом с его грохочущим голосом и светящейся чакрой. Я представил, как мои двумерные семейные предки с их блестящими сфотографированными глазами за стеклами и резными рамами дрожали от такого же ужаса, как и я.

Если отец и слышал, как они дрожат из-за его собственного крика, то, похоже, ему было все равно.

"Трое саннинов - один своенравный извращенец, вторая пьяница-гедонистка, и один в Ками знает где, ставший настолько бесчеловечным благодаря своему собственному гению!" С каждой фразой его голос возрастал в геометрической прогрессии. "Четвертый Хокаге - хвала - величию - наделен таким количеством прозвищ и титулов, что он утонул бы в чернилах, записывая их все! И для чего? Он мертв еще до того, как ему стукнуло тридцать!" Он просто продолжал идти, и шел, и шел, и не останавливался. "У Какаши Хатаке - настолько плохо с головой, что это даже не смешно - и не смотри на меня так, Есино, мы с тобой оба знаем, что это правда, что этот бедняга - настолько повернутый, что любой, кто хоть что-то знает о психологии, когда увидит его скажет, что этот человек безумен, он провел всю свою жизнь с тех пор, как встал на ноги, рискуя своей жизнью за деревню, из-за которой все и все, о ком он когда-либо заботился, уничтожено - это не проходит даром, вот почему он надевает десять масок друг на друга и уклоняется от каждого личного вопроса, как масло от воды, и читает эту гадость на публике, и нарочно опаздывает на все, и проводит часы за часами, стоя на улице под солнцем, дождем, снегом, чем угодно перед этим проклятым камнем, показывая всем людям, что ему все равно, потому что это такой его механизм преодоления всего дерьма, с которым столкнула его жизнь, и никто, даже Иноичи Яманака, ничего не может с этим поделать!"

Моя мать не плакала. Она была храброй, закаленной женщиной, не похожей на нежных маленьких принцесс из сказок. Она никогда не ждала, что какой-нибудь мужчина придет и спасет ее. Все, чего она когда-либо добивалась, начиная со своей первой миссии и заканчивая привлечением внимания моего отца, было полностью ее заслугой.

Так почему же сейчас по ее щекам стекает столько воды?

"Шикаку, пожалуйста..."

Мой отец не слышал ее и просто продолжал безжалостно перечислять все судьбы вундеркиндов Конохи, пока, наконец, он не довел свой спор до такой громкости, что я удивился, почему вся деревня не проснулась и не пришла в наш дом, чтобы посмотреть, что тут происходит.

Может быть, это было потому, что они знали, что когда шум доносится из дома Шикаку Нары, лучше всего держаться подальше.

"Ты хочешь, чтобы я начал с блестящего, непобедимого, печально известного Итачи Учиха - генина в семь лет, чунина в восемь и уже убивающего взрослых мужчин в их постелях в качестве капитана АНБУ, когда ему было всего тринадцать? Он сорвался и сошел с ума, оставив своего любимого младшего брата собирать осколки! Но я полагаю, мы не должны удивляться, раз посылаем ребенка сворачивать шеи и разрезать его первые яремные вены еще до того, как его возраст превысит однозначную цифру, ведь все будет хорошо, не так ли? Я удивлен, что он не попытался выкинуть какой-нибудь трюк вроде этого раньше! Только

подумай, Есино! Вся его семья, самый большой клан во всей Конохе, УБИТА, хладнокровно УБИТА, уменьшена с более чем сотни человек до всего двух за ОДНУ ночь! Я БЫЛ ТАМ, ЕСИНО! Я БЫЛ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ, ВЫЗВАННЫХ ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ РЕЗНИ УЧИХ, И ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ВИДЕЛ? ЦЕЛЫЙ ВОДОПАД КРОВИ, СТЕКАЮЩИЙ ПО ПАРАДНЫМ СТУПЕНЯМ И ВЫЛИВАЮЩИЙСЯ НА ТРОТУАР ЗА НИМИ! И ЗНАЕШЬ, ЧТО ЕЩЕ Я ВИДЕЛ? СЛЕДЫ ИТАЧИ УЧИХИ В ЭТОМ КРАСНОМ МОРЕ! И НИ ОДИН ИЗ НИХ НЕ БЫЛ ИСПАЧКАН ИЛИ ЗАЛИТ КРОВЬЮ! ОН НЕ КОЛЕБАЛСЯ И НЕ ВЫБЕЖАЛ ОТТУДА! ОН ШЕЛ СПОКОЙНО И ХЛАДНОКРОВНО, КАК МОЖНО БЫЛО БЫ ПРОГУЛИВАТЬСЯ ПО ПАРКУ В СЧАСТЛИВЫЙ И ЯРКИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ, КАК БУДТО НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ..."

"Шикаку!"

А потом гнев прошел, и зверь исчез, сменившись человеком, который казался слишком старым, чтобы быть даже моим дедушкой. Он постарел не только от мудрости, но и от боли...

Его вопли прекратились, сменившись чем-то медленным и печальным. И все же именно эти чувства, вновь рожденные зверем, отличным на этот раз от моего отца, другим зверем, порожденным скорее страхом, чем гневом, пугали меня больше, чем любая его ярость. Даже спустя годы, когда я столкнусь с врагами, моя память вернется к этому единственному моменту, и я буду помнить его болезненные вздохи...

"О, что дальше, Есино? Какую судьбу мы должны уготовить нашему сыну? Может, мы сделаем его Шикамару Нара, самым бугименом? Поучительная история для всех будущих поколений нашего клана о том, кто так долго скрывался в тени, что в конце концов сам стал одним из них?"

Моя мать не произнесла ни слова. Я тоже этого не сделал. Я просто сидел, застыв, не в силах даже дышать, наблюдая, как темные силуэты на стене складываются в очень знакомую форму.

В мою.

Позвольте мне объяснить мою историю с самого начала.

Меня зовут Шикамару Нара, как вы, возможно, уже догадались. Я сын Шикаку Нара и Есино Нара, ранее Есино. Я единственный ребенок в семье, хотя у меня, вероятно, есть дальние родственники со стороны матери, живущие в другом месте. Я не буду много говорить о них, так как они являются гражданскими лицами, которые предпочли бы мирную и спокойную жизнь вдаль от всего вероломства и жестокости мира шиноби. Я не виню их за такое отношение к жизни, и я не думаю, что они тоже сильно обидятся на меня, когда я скажу, что считаю своих товарищей по оружию больше своими братьями и сестрами, чем когда-либо будут они.

Черты крови, похоже, сильно проявляются в семьях шиноби. Возьмем, к примеру, меня. На первый взгляд я в точности похож на своего отца. Колючие темные волосы, ленивые глаза с опущенными веками, формы наших лиц и носов, выражения лица, которые мы делаем в любой ситуации, сверхъестественный интеллект, присущий только Наре, – даже наши обычные привычки, от того, как мы зеваем, до того, как мы склонны раздраженно закатывать глаза, точно совпадают, хотя это может быть больше связано с тем, как я был воспитан (дети, в конце концов, подражают своим родителям), а не генетике.

Но для преподавателей Академии, которым посчастливилось пережить не одно поколение моей семьи, включая тетей, дядей и дальних кузенов, сразу могут сказать, что в глубине души я - моя мать.

Говорят (иногда с любовью, а иногда и с жалобой), что Нара страдают от слишком большого количества инь. От нашего разума до наших тел, и даже в фирменных теневых техниках, которые мы используем, мы тихие, размышляющие типы; умные, но не склонные к действию. Возможно, слишком умные, и поэтому природе пришлось уравновесить и уменьшить наше желание действовать.

По крайней мере, так было до тех пор, пока не появился я.

Хокаге-сама винит мою мать. Он никогда не говорит этого вслух, но я могу сказать, потому что каждый раз, когда мой отец решает пойти в командный центр Конохи и поучаствовать в забаве "Возьми своего ребенка на весь рабочий день с собой", Сандайме хмурит свои старые брови, щипает себя за переносицу и тихо вздохнет: "О, Шикаку, почему ты выбрал ее из всех возможных вариантов?"

Конечно, это говорится в шутку, а не чтобы кого-то обидеть, так что, может быть, мне не стоит так сильно жаловаться.

Моя мать не была Нарой по рождению, хотя она определенно выглядит соответственно - у нее тоже довольно овальное лицо, которое так заметно, когда ее волосы убраны назад. Она происходила из гражданской семьи - возможно, у меня был дедушка, который был Генином; я не знаю, - и поэтому ей пришлось сражаться, царапаться и кричать, чтобы подняться до своего ранга Чунина среди остальных ее средних сверстников, в отличие от тех "специальных" команд, состоящих исключительно из детей клана (кстати говоря, почти каждый наследник каждого клана, который имеет значение, оказался в моем классе...). Она, вероятно, могла бы продвинуться дальше, но потом родился я, и она ушла в отставку.

По крайней мере на бумаге. По духу она всегда оставалась шиноби, и каждое утро в обязательном порядке доказывает это, добросовестно вытаскивая меня из постели ни свет ни заря, чтобы сделать наши упражнения. (Она давным-давно отказалась от попыток заставить моего отца проснуться так рано, потому что к тому времени, когда ей наконец удастся вытащить его из постели, отведенное время в любом случае уже заканчивается. Хотя она все еще ворчит на него, как только он наконец просыпается.)

Если бы я был моим отцом, она бы бросила нас обоих. Наверное...

Но я не был похож на своего отца. Характером я весь в мать, на этот раз инь Нара уравнилась ян моей матери - новой, свежей кровью, рожденной из естественной социальной несправедливости сложившейся клановой системы, воспитанной только из чистой воли и решимости, горячей, нетерпеливой и готовой к действию. Да, я родился с мозгом моего отца, но у меня было сердце моей матери, сердце, вырезанное из испытаний и невзгод не только жизни шиноби, но и политического мира шиноби в целом.

Я поступил в Академию в возрасте шести лет или около того, как и все остальные в моем классе. И поначалу разница между моими одноклассниками и мной на самом деле не была такой уж и большой или очевидной. Первые несколько дней были в основном теорией, так что дети, не имевшие родителей шиноби, по крайней мере, не покончили бы с собой, когда они попытались бы неправильно подобрать кунай, поэтому у меня было не так много возможностей для демонстрации, кроме как ответов на основные вопросы. Конечно, я понял данный нам учителем материал правильно, но так же поступило и большинство других детей, которые потрудились открыть учебник накануне. Даже одна из девочек гражданского происхождения - Сакура Харуно - смогла бы идеально ответить на такие вопросы.

Даже после того, как наконец началась базовая подготовка, я казался совершенно нормальным по сравнению с другими детьми клана. Конечно, благодаря моим тренировкам с мамой я мог метать свое оружие и отлично выполнять все свои ката, а также довольно хорошо показывать себя в спаррингах, но этого следовало ожидать от кого-то моего происхождения. Было много других учеников, таких как мои друзья Ино Яманака и Чоджи Акимичи, которые также получили клановое воспитание и поэтому учились так же хорошо.

В нашем классе, в том году, было больше всего клановых детей, и все мы оказались наследниками клана. Что-то подобное, должно быть, было запланировано, так как по-моему это никак не могло произойти случайно, но я ничего не сказал, так как в любом случае это был бесполезный факт, а мой отец всегда говорил мне никогда не тратить время на бесполезные факты.

Дело в том, что в течение первых нескольких недель меня мало что отличало от остальных моих одноклассников, тем более что треть класса имела те же преимущества, что и я. На самом деле, если бы не было известно, что я Нара, который не дремал по полдня, я был бы одним из менее значительных наследников клана, отнесенных прямо к той же группе, в которой был Шино Абураме, учитывая, что существовали такие дети, как Саске Учиха и Киба Инудзука, которые были гораздо более склонны к хвастовству, чем я.

Но я не мог прятаться вечно. Хотя мой отец изо всех сил старался привить мне сильное чувство скромности – в основном благодаря доктрине о том, что хороших шиноби не следует ни видеть, ни слышать, – моя мать как бы отменила это и придумала свою собственную доктрину – всегда стараться изо всех сил и выкладываться на полную.

Учитывая мой врожденный интеллект, это означало, что мне было что показать.

В конце концов, это привело к компромиссу. Я никогда не вызывался делать больше, чем от меня просили, в отличие от Саске, который при каждом удобном случае демонстрировал сложные приемы тайдзюцу перед инструкторами, но все, о чем меня просили, было закончено таким образом, что без сомнений доказывало, что я явно способен на многое, намного большее, чем то, что я показывал. Так что я выполнил обе свои части сделки. Я скрыл 75% своих способностей, как и хотел мой отец, но остальные 25% я демонстрировал на полную.

Оглядываясь назад, я думаю, что, возможно, это было сделано как из-за моего собственного эгоизма, так и из-за моего послушания принципам моих родителей и их мыслям, как стать хорошим шиноби. Я, как и любой другой ребенок, хотел, чтобы меня признали за мой собственный талант. Это был мой собственный немного коварный способ выпендриться. Конечно, в возрасте шести лет человек на самом деле не задумывается о реальности моральных последствий своих поступков. Я просто убедил себя, что поступаю правильно, без всякого эгоизма, потому что все взрослые вокруг меня так считали. Мой отец получил то, что хотел, и моя мама получила то, что хотела. Конец истории.

Это было в середине первого семестра, когда начали проявляться признаки того, что я был не просто другим. Каждый письменный тест я всегда заканчивал первым и всегда получал отличную оценку. И не просто на одну – две минуты опережал следующего человека – иногда разница составляла целых полчаса, в зависимости от того, сколько нам нужно было написать и какой объем работы требовалось написать. Тесты с множественным выбором я мог бы закончить буквально за считанные секунды. Многие из этих вопросов требовали просто здравый смысл – если не знал ответа, то я мог бы легко обосновать свой ответ.

Я хочу добавить, что я заканчивал быстро не специально для того, чтобы доказать свое

собственное превосходство перед одноклассниками, как это сделало бы большинство детей, а скорее для того, чтобы доказать, что я смогу самому себе – и моим родителям. Мне нравились игры, и поэтому для меня каждый тест был похож на игру, и мой результат определялся тем, сколько у меня осталось времени. Кроме того, чем больше у меня оставалось времени, тем чаще мне нужно было выходить на игровую площадку Академии и тренироваться в одиночку. Я знал, что посидеть еще несколько минут, чтобы проверить свою работу, ничего мне не даст, в то время как тренировка мышц точно мне поможет. В конце концов, одна из многих философий моего отца заключалась в том, что те, кто родился с превосходным разумом, должны работать, как и все остальные, чтобы развить превосходное тело. И, как всегда учила меня трудовая этика моей матери, пользуйся каждой секундой, которая у тебя есть, – и я так и делал.

Моя физическая сила была такой же, как и у всех других студентов, но когда дело доходило до таких вещей, как техника – как наиболее эффективно распределять силу – у меня было преимущество. Я быстро учился, быстро двигался и обладал высокой координацией, поэтому физически я мог нанести больше урона, чем остальные мои одноклассники, хотя мы все были более или менее на одном уровне в плане силы. И поэтому, независимо от того, сколько сюрикенов бросил Саске Учиха, занявший второе место, независимо от того, на сколько я опередил Наруто Узумаки занимающего последнее место я опередил, преподаватели Академии вскоре заявили, что никто не сможет догнать меня.

Что было неправдой. Я знал, что я умный, но если и было что-то, от чего меня предостерегал отец, так это высокомерие, потому что ни один человек не сможет контролировать свое будущее.

Но это неважно. Несмотря на то, что я был Шикамару Нара, я все еще был обычным шестилетним ребенком, и какие бы мудрые слова ни придумал мой отец, они наверняка будут проигнорированы в пользу так называемого опыта, когда придет время действовать.

И в этом заключался источник первого – и, к счастью, последнего – спора моих родителей.

Все началось достаточно невинно. Примерно в конце первого семестра инструкторы Академии и некоторые другие должностные лица Конохи проанализировали мои оценки и, поняв, что они на шаг опережают всех, кого они когда-либо видели, включая всех вундеркиндов, которые были до меня, подумали о том, чтобы поднять меня на несколько классов.

Я был тогда еще молод и наивен, несмотря на весь свой интеллект. В то время у меня не было никакого мнения по этому вопросу. Я был всего лишь ребенком. Пока у меня были друзья и родители и учителя меня хвалили, я был счастлив. Смутно я понимал, что я умный и особенный ребенок, так как все всегда говорили мне об этом, но я не мог точно сказать, насколько я отличался от своих одноклассников. Когда тебе шесть лет, ты – это ты, а они – это они. Ну и что, что у меня было больше золотых звезд, чем у всех остальных? Ино была Ино, и Чоджи был Чоджи, и Саске был Саске, и Наруто был Наруто, и с биологической точки зрения вашему мозгу требуется некоторое время, чтобы полностью развить свое собственное самоощущение.

Моя мать, с другой стороны, была полностью за это.

Именно тогда мой отец вмешался и спас меня.

"Нет", – сказал он и его позиция была так тверда, что даже Хокаге, который был полностью за эту идею, отступил. "Просто ... нет".

Хорошая вещь в том, чтобы быть Нарой, заключалась в том, что независимо от того, насколько

тихо вы говорили, когда вы говорили (и я имею в виду на самом деле говорили, а не просто жаловались), люди слушали.

Но моя мать тоже была Нарой, если не по рождению, то по имени, и у нее были другие идеи. Упрямая женщина, она не могла понять, почему кто-то не воспользовался такой великолепной возможностью, когда она была прямо у него перед носом. В тот вечер она спросила - ну, потребовала было более подходящее слово, учитывая, что это была моя мать, - чтобы точно знать, почему мой отец остановил мое образование.

Конечно, он предвидел этот вопрос и подготовил целый список.

И вот мы возвращаемся ко мне - шестилетнему, прижавшемуся к стене, спрятавшемуся в тени, наконец-то получившему представление о том, какой может быть судьба такого ребенка, как я.

"Ни у одного гениального ребенка никогда не было хорошей жизни. Не в мире шиноби. Шикамару может обрести славу и известность, если захочет, но это будет не слава вундеркинда. Его жизнь будет достаточно тяжелой, когда он станет взрослым, при такой работе. Пусть он будет счастлив, пока может".

Многие могли бы счесть мою мать властной и даже немного деспотичной женщиной, но никогда никто не мог сказать, что до нее не доходили разумные доводы, когда она слышала их.

Когда наконец наступил следующий день, больше не было этих "нелепых разговоров" (слова моего отца, не мои) о том, что я должен пораньше закончить академию. Я остался там, где был, с детьми моего возраста, и рос бы нормально - или, я полагаю, настолько нормально, насколько это вообще возможно, учитывая, что я учился на шиноби.

Тем не менее, моей матери удалось убедить моего отца, что он должен поддержать развитие моего таланта, прежде чем он полностью угаснет, так как было ясно, что мне становится скучно в школе. С этим мой отец мог согласиться - ему было не особенно важно, как далеко я продвинулся в возрасте от шести до двенадцати лет, до тех пор, пока я не надевал протектор Конохи раньше этого срока. Я думаю, что в его идеальном мире дети не должны заканчивать свое образование, пока им не исполнилось бы по крайней мере восемнадцать, но когда они, наконец, заканчивали его, то они должны быть примерно уровня джоунина. Для него никто не стал Чунином после того, как сдал экзамены на Чунина - человек уже должен быть на высоком уровне Чунина, выходя в жестокий мир шиноби. Нет смысла проходить потенциально смертельный тест только для того, чтобы провалиться или, что еще хуже, умереть.

Я полагаю, что это решение моих родителей пошло мне только на пользу. У меня в классе были друзья - Чоджи и Ино, и они стали ими еще до Академии (хотя больше Чоджи, чем Ино, которая также любила играть с другими девочками), и я не хотел их бросать. Даже если у Саске была привычка дуться и капризничать без видимой причины, а Наруто и Киба были немного шумными. Они все еще были моими друзьями. Как бы то ни было, мои учителя тоже были осведомлены о моей ситуации (поскольку именно они в первую очередь донесли до моего отца и Хокаге идею "пропустить шесть классов") и обычно позволяли мне заниматься по моей собственной программе, в то время как они помогали остальным в классе над тем, что я освоил давным-давно. Кроме того, по ночам, в отличие от остальных моих друзей, мне приходилось засиживаться допоздна, иногда даже после двенадцати, сидя у костра с отцом и наблюдая, как свет и тени мерцают на земле.

Мое детство было довольно приятным, если не считать обычных детских испытаний и невзгод.

Но время летит так быстро, и вскоре я уже смотрел на свое собственное отражение на

защитном протекторе Конохи и думая, что скоро мне исполнится двенадцать.

Может быть и есть, что-то в том, что мой отец любил все делать так медленно.

Но я никогда не забуду те слова моего отца, и думаю, что я их буду помнить на протяжении всей моей жизни.

"Те, кто ходит в тени, вполне могут стать одним целым с ними".

<http://tl.rulate.ru/book/64983/1712061>